

* * *

Она сидела не дыша, пока его губы скользили от ямки в сгибе локтя к запястью, где бился пульс, а потом, после того, как ее рука была перевернута ладонью вниз, по тыльной стороне кисти, постепенно подбираясь к мизинцу. Настал черед пальцев, и над каждой фалангой, прежде чем коснуться ее губами, он шептал по строфе:

...У тебя не жизнь, а вопросы,
У меня не жизнь, а ответы,
Для меня ты всего лишь осень,
Для тебя я всего лишь лето...¹

Она уже не чувствовала своей руки, только горячее пульсирующее тепло внизу живота, похожего теперь на луковицу тюльпана, готовую вот-вот дать росток, а его голос становился все ниже и тише:

...Я хотел бы уйти, но поздно,
Мы навеки должны быть вместе,
Для меня ты всего лишь проза,
Для тебя я, похоже, песня...

Она задохнулась от восторга, готовая и в самом деле умереть, сейчас, немедленно, после того, как раскроется цветок...

¹ Стихи автора.

— Царица... Моя царица...

Мужчин у нее было много, и счастье они дарили по-разному. Первоцветы давно были сорваны, а она именно так и ощущала оргазм: словно распускающийся в животе цветок. Сегодня это был тюльпан, внезапно вернувшаяся весна после того, как и розы были сорваны.

Огромный красный тюльпан. Ей показалось вдруг, что вернулась юность. И что жизнь можно начать заново. Завтра от нее ждут ответа. И теперь она его знает...

...Опять этот сон. И росток тюльпана в животе, едва проклюнувшись, вянет, а потом стремительно гниет, отчего появляется тупая боль. Она возвращается каждый раз после этого сна, поначалу такого сладкого, что просыпаться не хочется. А хочется досмотреть его до конца. Но в конце всегда боль. И разочарование. У счастья открытый финал. Она так и не успела его познать.

А это забавно: счастье с открытым финалом. Все для счастья есть: дом, достаток, видный мужчина, самодостаточный, при деньгах. Остальное можно дофантазировать. Бывшие подруги, должно быть, завидуют, ведь над ее жизнью теперь завеса тайны, и это еще больше разжигает любопытство. Видимость успешности — символ нашего времени. Посмотрите, какая я крутая! А в животе у меня сгнивший росток тюльпана и почти ежедневная утренняя боль. Исключение — ночи без сновидений, когда проваливаешься в забытие, как в глубокий колодец, из которого не видно звезд, потому что небо затянуто тучами.

Она открыла глаза и невольно застонала. Каждый новый день приносил боль. Глоток

воздуха — глоток боли. Лучше бы вообще не дышать, но смерть так любит играть в прятки с теми, кто сам ее ищет. Растягивает муку, чтобы, как обычно, заставить бесконечно страдать, прежде чем подарить такую долгожданную свободу.

Десять лет прошло, и где все? От романтики и новых надежд остались только кости в сгнившем гробу под могильной плитой на Новодевичьем кладбище, да оранжевое вино со вкусом тлена. Хотя все находят в нем нотки меда, персика и миндаля. Нет, это горечь не миндаля, а тлена. Для тех, кто знает, из какого сорта винограда это вино. Он созрел не на лозе, а в раненом сердце, и давили его не ногами, чтобы брызнул сок, а тисками ревности. А потом это вино бродило долгие десять лет, прежде чем опьянить. И это опьянение не веселит, а скорее, погружает в мрачное забытие.

Оно не оранжевое, как говорят, это ржавчина с могильного креста или разбавленная водой кровь, налитая в пузатые бокалы.

Для меня ты всего лишь проза,
Для тебя я, похоже, песня.

Которая оборвалась на самой высокой ноте. Захлебнулась кровью. Сколько можно терпеть?! У истории должен быть конец: месть с открытым финалом — это совсем уж невыносимо. Изматывает хуже, чем ожидание посадки на самолет, когда на руках уже заветный талон с номером ворот. А они закрыты. И на табло нет главного: когда же?

Виноград созрел и собран, из него выдавили сок и загрузили вместе с мезгой в квеври. Вино

вызрело, пора разливать его по бутылкам и подавать на стол.

Немного осталось. Она придет, та, которую не звали, но без этой гостьи месть так и останется с открытым финалом. Она, похоже, уже пришла. Смерть здесь, в этом доме.

Среди новых гостей шато появилось знакомое лицо. Которое за десять лет, само собой, изменилось. Или его изменили. Но у оранжевого вина, их гордости, появился горький привкус тлена. Словно в квеври, где вызревало это вино, попала гнившая доска от гроба на Новодевичьем.

Кто знает, может, это и есть последний весенний рассвет их шато? Не крайний, как модно говорить, а именно последний. Потому что новой весны не будет.

Глава 1

— Напиши мне в WhatsApp, когда приземлишься. Хорошо?

Она кивнула.

— Ну, все, ма, я побежала. — И Машка исчезла за стеклянными дверями метро, проглотившее ее не жуя: толпы на входе, которой оно давилось каждое рабочее утро, не было.

Инна встречалась с дочерью по выходным. Встреча на ходу, как всегда. У двадцатилетних столько дел, что главный подарок, который им могут сделать родители, — это не иметь проблем. Чтобы можно было ограничиться звонком раз в неделю и краткими вбросами в месенджер: «как дела?», «все в порядке?», «у меня тоже», «заеду как-нибудь». Даже материальное эту молодежь не очень-то интересует: квартиры,

машины, банковские счета. У них, таких юных и дерзких, все с собой, в рюкзаке за спиной, все необходимое для их молодой, стремительной жизни.

А у нее после развода — бездна свободного времени. После того, как Машка съехала к своему парню и работа стала в основном по удаленке. В издательстве надо появляться два раза в неделю, все остальное можно сделать дома, за компьютером. Вести блоги в социальных сетях, читать рукописи, писать на них рецензии... Денег, в общем-то, хватает, пока внуков нет. Бывший муж постоянно просит займы. Служебный роман: до тридцати двух лет девушка ждала принца, а потом, поняв, что шансов не осталось даже призрачных, схватила то, что оказалось под рукой. Чужого мужа. Новогодний корпоратив, совместная поездка в такси, «а не зайдешь на чашечку кофе?».

Оба были пьяные, и пока Инна, психуя, начала обзванивать сначала больницы, стараясь не думать о моргах, состоялся ее развод. Теперь у бывшего мужа маленький ребенок, а у его новой жены по-прежнему большие аппетиты. Она не хочет ни в чем себе отказывать, хотя не работает больше. Понятно, что денег Гоше не хватает. Он постоянно ищет подработку и не брезгает обратиться по адресу прежнего места жительства. У Гоши ведь не просят, а требуют. Но он был так счастлив, узнав, что у него, пятидесятилетнего мужчины, родится сын.

Инна удивлялась своим чувствам. Она относилась к бывшему, как к чужому человеку. Будто и не прожили вместе четверть века, не дурели от страсти в медовый месяц, не рыдали в обнимку над постелью заболевшей свиным

гриппом Машки, не в силах сбить высоченную температуру, не радовались, как дети, когда впервые выехали за границу... Все это был теперь прочитанный роман о каких-то других людях. Последняя страница закрыта, слезы радости и горя высохли, продолжение прочитать не хочется, потому что история закончилась.

Теперь Инна испытывала к бывшему мужу жалость, сочувствовала его проблемам. И даже ребенка его брала на руки без глубокой обиды или хотя бы брезгливости. Ведь это мог быть *их* ребенок. А теперь *его* и *ее*. Тридцатитрехлетней крашеной блондинки с красивым, но злым лицом. Потому что она хотела замуж за олигарха, а заполучила только чужого мужа, пятидесятилетнего начальника небольшого отдела в частной компьютерной фирме, будущее которой туманно. Инне было их жалко, и она давала Гоше Грошеву денег.

— С ума сошла? — ругали ее подруги. — Ты тряпка!

«Да, немножко есть», — грустно думала она. Но человеческая душа — это чемодан с двойным дном. Каждый хранит в нем что-то тайное, контрабанду какую-нибудь. Которая лежит там не для посторонних глаз, а для себя, на черный день. Как оправдание самым странным своим поступкам.

«Ведь я давно уже Гошу не люблю. И я втайне хотела, чтобы он куда-нибудь делся. Вернее, я подумывала о том, что одной мне было бы проще, я бы как-нибудь устроилась. Чем изо дня в день слушать то, что мне абсолютно не интересно, играя в понимание, потому что ближе этого человека у меня якобы никого нет, лучше один раз пережить его измену и уход. Потому

я и даю теперь ему деньги. Как взятку таможеннику, который не стал обыскивать мой чемодан на предмет контрабанды. А сделал вид, что все законно. Он виноват, а я — пострадавшая сторона».

Они развелись без скандала, цивилизованно, и поделили имущество в ее пользу. Инна получила просторную двухкомнатную московскую квартиру, где была прописана вместе с дочерью, а бывший — все их сбережения. Они когда-то продали дом в Подмосковье, доставшийся в наследство от родителей Инны, да копили на старость. Эти деньги бывший Иннин муж отдал своей новой пассии, погасив ее долг банку по ипотеке. И переехал к ней.

Инна могла сказать, что легко отделалась. Теперь она ходила по опустевшей квартире, с удивлением глядя на вещи, которые некогда страстно желала. В последние годы это желание заменяло им с мужем любовь: что-то купить, куда-то поехать. Объединяло их, делало семьей. Они вместе хотели чего-то. Ездили по магазинам или в турагентство, смакуя выбирали. А потом выбрали мужа. Как вещь, которая у блондинки стояла в списке на обязательное приобретение после квартиры и филеров в скулы. Инна даже испытывала злорадство, думая, что филеры имели для Олеси Горденко, в замужестве Грошевой, приоритет.

Все-таки она, Инна, человек с богатым внутренним миром и никогда не променяла бы интересную турпоездку на какие-то филеры. Кстати о турпоездке. Чтобы бывший муж не просил денег так часто, надо бы куда-нибудь съездить. И обставить это так, будто Инна на этой поездке собирается заработать. Тогда все всё поймут.

Бывший муж, его новая жена, их маленький ребенок, который еще ничего не может понимать, но когда вырастет, ему расскажут. Как все было до него, и пока он был совсем еще крохой. О проявленном благородстве, или, напротив, черствости, о старшей сестре и ее матери, которая носит ту же фамилию, что и он. Инну поймут, наконец, родители Олеси, которые, если честно, пока еще ничего не поняли.

Почему их дочь общается со своей предшественницей и даже доверяет ей нянчить своего ребенка? Ведь так неправильно. Там, где пустили корни Горденко и где все друг друга знают, бывшие с бывшими, а уж тем более нынешние с бывшими не общаются, даже если живут в одном подъезде. А имущество делят в суде, включая сервизы и бытовую технику. Чтобы все по-честному. И об этом все судачат, весь городок, считают тарелки в сервизе и золотые цепочки, вспоминают, что кто и кому дарил на свадьбу, ему или ей, несмотря на то, что с тех пор прошло много лет. Когда жизнь застоялась и скучна и новостей в ней мало, память становится размером со школьную тетрадь, где записаны простейшие арифметические примеры.

Инна догадывалась, почему родители Олеси так волнуются. Недалекие люди со своей примитивной житейской логикой. У которых даже двойного дна в чемодане нет, все лежит на виду, в одной куче: и нарядные платья, и дырявые носки. А вдруг Гоша захочет вернуться к первой жене? Сравнит и затоскует. А дитя останется без отца. Нет уж, заполучила добро — запрети в чулане на ключ. И сторожи. А то ишь! Бывшая денег дает! Прикармливает. Мол, я-то работаю, у меня есть.

Вот когда Инна уедет за границу, в турпоездку, Горденко вздохнут с облегчением. Ну, теперь все по законам жанра. Сука такая Инка оттяпала московскую квартиру и теперь шикует. Им будет о чем поговорить со своими родственниками и знакомыми, на что пожаловаться. Время такое: все ищут сочувствия, чтобы не просили займы или устроить на денежную работу. Достаток лучше скрывать, а говорить только о проблемах, жаловаться, ныть, что все плохо.

Инна невольно улыбнулась. Она давно уже все придумала. У нее есть авторский канал в Тсене, сервисе персональных рекомендаций, а, скорее, в новой популярной социальной сети с возможностью монетизации, но этот блог — задание редакции. Денег там так мало, что лучше об этом не говорить. Но и задача такая не стоит — заработать в этом блоге деньги. За то, что Инна его ведет, ей перечисляют на карточку зарплату. Тема книг заходит плохо, советы, как стать писателем, тоже мало кому интересны, в отличие от советов, как за пять минут испечь пирог с яблоками и чем победить тлю, напавшую на розы. Пирог можно съесть тут же, спасенные розы будут цвести все лето и радовать глаз, а писательский труд если и окупится, то на это уйдут годы. И то, если повезет.

«Я же умная, — думала Инна, долгими зимними вечерами изучая Тсен. — У меня высшее гуманитарное образование, я хорошо пишу. Слог легкий, ум быстрый. И я интересный человек. В то же время я не богачка, разведена, дачи у меня нет. Таких как я — сотни тысяч. С похожим менталитетом. Согласно статистике, именно людей моего возраста, читающих Тсен, — подавляющее большинство. Надо только найти

тему, которая зайдет. Мне не нужны миллионы рублей. Не нужен отдых на Мальдивах, авиабилеты в бизнес-класс, дорогие процедуры в спа. Всего лишь приработок, о котором никто, кроме меня, не узнает, деньги, которые я смогу потратить в свое удовольствие, и радость от того, что мои статьи прочитали столько людей. Значит, я им нужна. Я востребована, и мое одиночество уже не так печально».

Но двойное дно в чемодане потихоньку разбухало. Потому что это лукавство. Нужна и слава, и миллионные гонорары, и возможность жить в свое удовольствие. Кто же от этого откажется? Просто не хочется разочаровываться, потому что, скорее всего, не получится. Это должно свалиться, как снег на голову, внезапно. Бац — и зашло!

Инна сладко замирала, представив себе удивленное лицо Гошки Грошева: «А я и не знал, что ты такая». Круглые глаза дочери: «Мам, я сегодня с друзьями к тебе приеду. Ты им расскажешь, да?». Уважительные взгляды коллег из издательства: «Ты теперь обязательно получишь премию, как лучший блогер. Пиши об этом книгу, она станет бестселлером».

В животе от этих мыслей начинали звенеть серебряные колокольчики, сердце делалось похожим на кокон сахарной ваты, так что бегущая по жилам кровь становилась сладкой. Инна тут же одергивала себя: нельзя об этом думать! Иначе так не будет никогда! Мысли об удаче ее пугают, может, она не такая большая, как в этих мыслях, и она убегает к тому, кто гораздо скромнее.

Перебрав с десятков тем, Инна решила, что весной лучше всего заходят статьи о даче и про

путешествия. Дачи у нее нет, к земле Инну не тянуло после того, как она провела в деревне все свое детство. И знала, что дача — это каторга. А в зоне рискованного земледелия, Подмосковье, каторга вдвойне. То заморозки, то затяжные дожди, то град и ураганный ветер. Все мысли о спасении урожая, когда уж тут бложить! Разве что описывать свои разочарования. Это хорошо заходит.

Но уж лучше писать о путешествиях. Впереди долгие майские каникулы, да лето почти уже на носу, люди бронируют отели, покупают билеты. Соответственно, читают блоги от путешественников.

«Ведь я же их читаю?» — резонно думала Инна. Далеко она одна лететь боялась. Инна не отнесла бы себя к заядлым безбашенным путешественникам, которые сами все бронируют: и отели, и билеты, а по одному туру умудряются объездить аж несколько городов, а то и стран, и не обращают внимания на бытовые неудобства. Лишь бы было интересно. Английский язык Инна знала, но без практики начинала забывать слова и отстаивать свои права не умела, надеялась на везение. Поразмыслив и проведя мониторинг среди своих друзей и коллег из издательства, Инна решила лететь в Грузию. Туда этой весной почему-то летели все. Что подтвердили в кассе. Инна с удивлением узнала, что остались только самые дорогие билеты. Все лоукостеры были уже разобраны.

— Берите, всего шесть билетов на ваши даты осталось, — сердито сказала сидящая за стойкой женщина.

И Инна торопливо полезла в кошелек за банковской картой.

